

Е. Я. Туровский

Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи

ажная группа археологического материала — античные граффити — способна значительно пополнить список личных имен (ономастикон) жителей полиса, расширить представления о почитаемых в нем культах, способствовать решению других вопросов. Большинство граффити представляют собой сокращенные имена и слов, лигатуры и монограммы, которые чаще всего (вне определенного археологического контекста) не дают возможности для однозначной трактовки. Публикуемые граффити (два из Херсонеса и одно из его ближайшей сельской округи), несмотря на то что все они из числа случайных находок, сами по себе заслуживают пристального внимания.

В 1988 г. в Херсонесский заповедник поступила чернолаковая мисочка, найденная случайно в верховьях Стрелецкой балки, на усадьбе надела 106 [1, с. 150]. Мисочка, очевидно аттического производства, имела кольцевой поддон и край, отогнутый наружу. Подобная форма миски в керамическом производстве Афин имела место с IV по II вв. до н. э. [Agora, 12, № 1035-1040]. Уточняет датировку тусклый бурый лак низкого качества и очень грубые штампованные пальметты (рис. 1). Перечисленные признаки позволяют датировать сосуд концом III— первой половиной II в. до н. э.

Время существования усадьбы надела 106, как и большинства других эллинистических памятников Гераклеийского полуострова, не выходит за пределы 80-х гг. II в. до н. э. Отсюда наиболее вероятная датировка мисочки: конец III— самое начало II в. до н. э. [2, с. 12]. Состояние миски (сильно сбитый край) не давало возможности функционально ее использовать, и она была оставлена на усадьбе.

На дне мисочки нанесено граффито, которое без труда восстанавливается: [ιϵ]ρῶ Ἀσκλη[ητιοῦ]. Значение термина τὰ ἱερά очень широко, оно означало и сакральные церемонии, и предметы культа [3, с. 216-217]. Мисочка, возможно, была принадлежностью святилища Асклепия, находившегося на усадьбе. Подтверждает это предположение и место нанесения граффито: обычно на доньях сосудов с наружной стороны обозначались владельческие надписи, посвящения же наносились на лицевой поверхности ближе к венчику [4, с. 127; 5, с. 154]. В большинстве случаев ἱερά с последующим именем божества переводится как посвящение [4, с. 128].

Характер шрифта граффито (весьма небрежный) передает особенности почерка резчика: α в обоих случаях напоминает по написанию λ, внешние гасы у σ горизонтальны. В целом характер шрифта надписи подтверждает приведенную выше датировку.

До последнего времени имелись только косвенные свидетельства существования культов богов-врачевателей в эллинистическом Херсонесе. Это прежде всего теофорные имена. Из раскопок Херсонеса известно граффито с именем Ἀσκληῆς [6, с. 239].

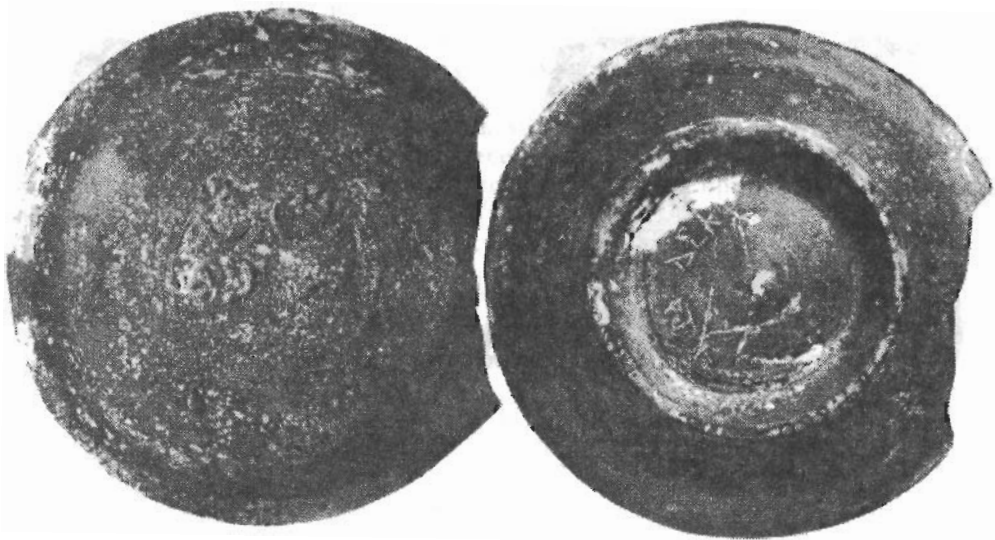

Рис. 1. Мисочка с посвящением Асклепию

В херсонесской надписи II в. до н. э. имя Асклапиада, сына Хармиппы [IOSPE, 1², № 468]. На херсонесских клеймах астиномов Герейя и Миния Дамоклеева приведены в сокращенной форме имена фабрикантов (Аскл и Аск), которые безусловно также произведены от Асклепия [7, табл. XXII, 1-51; табл. XXXIV, 1-79, 1].

Култ богов-врачевателей в античной Греции обязательно почитался в среде профессиональных медиков. О существовании таких специалистов в эллинистическом Херсонесе свидетельствуют: стела, поставленная врачом с Тенедоса Эвклесом [8, с. 94-105], стела с изображением медицинских инструментов и именем врача Дионисия, сына Пантагнота [8, с. 99], находки медицинских инструментов [8, с. 102-103].

Первым достоверным свидетельством существования в Херсонесском государстве эллинистического времени культов богов-врачевателей стала находка на городище Чайка в Северо-Западном Крыму чернолакового канфара с посвятельной надписью Гигиейе (Ἰγυεῖα) в родительном падеже [9, с. 203]. Несколько лет назад подобное графито было найдено Ю. П. Калашником при раскопках здания в северном районе Херсонеса¹. Таким образом, сейчас можно достаточно уверенно говорить о почитании богов-врачевателей в эллинистическом Херсонесе и на его хоре. До сих пор подавляющее большинство свидетельств существования культов Асклепия и Гигиейи в Херсонесе относятся к первым векам нашей эры, отсюда принятое рядом исследователей мнение о привнесении этих культов в город солдатами римского гарнизона [10, с. 16; 11, с. 373-382].

Другой памятник, представленный в публикации, — глиняное грузило с графито. Грузило (красноглиняное, с черными включениями) найдено случайно в отвале на северном берегу Херсонеса. По форме оно представляет собой правильную четырехгранную пирамиду. На каждой грани после обжига процарапана буква (рис. 2). На наш взгляд, надпись дает женское имя — Φασώ, по аналогии с известными женскими именами на ω, такими, как: Ξεῶ (КБН, № 214), Κλεῶ (КБН, № 196), Αριστῶ (12, № 121), Αρξεῶ (12, № 132). Характер шрифта позволяет датировать графито второй половиной — концом IV в. до н. э.

¹Информация о находке прозвучала на совещании по итогам раскопок в Херсонесском заповеднике, данных о публикации памятника у меня нет.

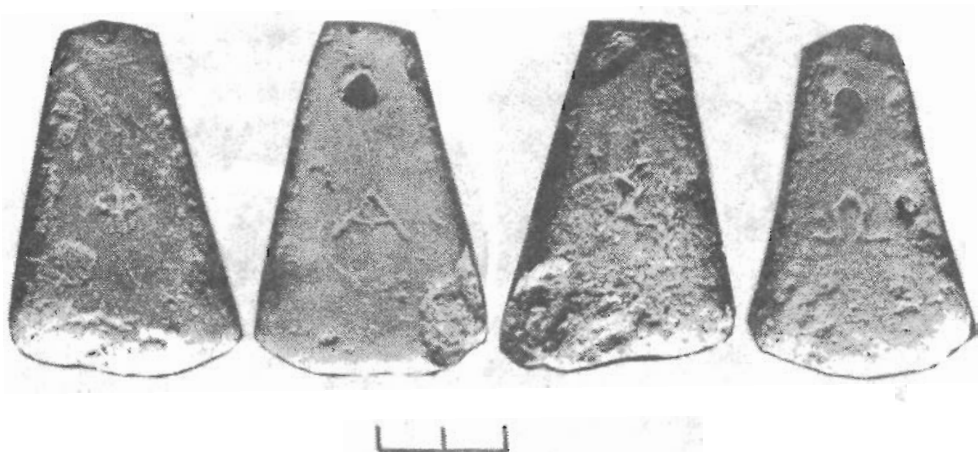

Рис. 2. Ткацкое грузило с именем владелицы

Верхнюю грань грузила занимает перекрестие, нанесенное по сырой глине еще до обжига. Подобные приемы украшения херсонесских грузил приводит Э. И. Соломоник, предполагая в этом символе магический смысл [13, с. 143]. Можно уверенно считать, исходя из размера грузила и граффито с женским именем, что грузило использовалось в домашнем ткачестве для натяжения нитей вертикального ткацкого станка.

Последнее, на наш взгляд наиболее интересное, граффито было найдено случайно в 1995 г. во время шторма на северном берегу Херсонеса. Обрывистая линия берега в месте находки составлена отвалами из различных районов раскопок городища, в том числе из раскопок античного театра. Именно при раскопках последнего были

обнаружены черепки с процарапанными именами и патронимиками, которые получили интерпретацию как остраконы [4, с. 121-124]. Вновь найденное граффито принадлежит к тому же типу памятников. Хорошим шрифтом на черепке гераклейской амфоры параллельно верхней грани черепка процарапано имя «Каллиа[д], сын Сири-ска». Сочетание этих двух имен засвидетельствовано в Херсонесе впервые, хотя порознь они хорошо известны.

Рис. 3. Остракон

Имя «Каллиад» засвидетельствовано во многих местах греческого мира (см. словарь *Parpe-Benseler*). На надгробной стеле из башни Зенона — указано имя Каллиада, сына Артемидора, которое по характеру шрифта датируется концом IV — началом III вв. до н. э. [12, с. 77-78]. На другом херсонесском надгробии, датированном

III в. до н. э. — имя Дионисия, сына Каллиада [12, с. 82-83]. Ко II в. до н. э. принадлежит мраморная вставка от надгробия с именем Атанагора, сына Каллиада (IOSPE, I², № 709). На херсонесских керамических клеймах известны имена астиномов Каллиада, сына Дионисия, и Герогейта, сына Каллиада [7, с. 76]. Оба чиновника отправляли обязанности в III в. до н. э.

Не менее часто встречается в Херсонесе имя Сириск. Второй половиной III в. до н. э. датируется надпись в честь херсонесского историка Сириска, сына Гераклида (IOSPE, I², № 344). Второй половиной IV в. до н. э. датируется надгробная стела с городища Кульчук в Северо-Западном Крыму с именем Парфения, сына Сириска [14, с. 269; 15, с. 109-114]. В конце IV в. до н. э. чеканилась серия херсонесской бронзовой монеты (тип: Дева поражает лань — бодающий бык). Среди имен магистратов, при которых чеканилась эта серия, есть имя Сириска [16, табл. V, № 79]. Херсонесские керамические клейма с именем астинома Сириска датируются 315–300 гг. до н. э. [7, с. 76].

Таким образом, оба имени в основном встречаются в конце IV– III вв. до н. э. Обратимся теперь к палеографическим особенностям граффито. Здесь мы имеем тот редкий случай, когда резчик граффито подражал манере эпиграфических текстов, высеченных на камне [17, с. 64]. Отсутствие апексов на концах букв, строго выдержанные одинаковые углы у α и λ , широко расставленные гасы у σ и υ — все эти особенности шрифта указывают на время конца IV– начала III в. до н. э. Тем же временем датируются и остраконы из херсонесского театра.

Э. И. Соломоник, впервые указавшая на возможность существования остракизма в Херсонесе, опубликовала три остракона. Два из них, подобно нашему, процарапаны на амфорных черепках [4, с. 121-124; 18, с. 72-81]. Остракизм, или «суд черепков», был введен в Афинах Клисфеном для защиты государственного строя полиса от противников. В V в. до н. э. практика остракизма была заимствована другими государствами, среди которых Сиракузы, Аргос, Милет и Мегары. Наличие в этом списке Мегар особенно важно, поскольку можно предполагать, что из метрополий практика остракизма могла быть перенесена в их колонии.

В последнее десятилетие в Херсонесе была открыта большая группа черепков с именами и патронимиками (или без последних) гораздо более древних, чем остраконы из театра и наша находка. По мнению издателей, датируются они от первых лет до конца V в. до н. э., при этом предполагается, что вся группа публикуемых памятников принадлежит к категории $\tau\epsilon\tau\alpha\lambda\iota\sigma\mu\omicron\varsigma$ — черепков для голосования, но не обязательно употребляемых для процедуры остракизма [19, р. 94-98].

Критикуя Э. И. Соломоник, издатели новой группы граффити отмечают, что она не ушла даже возможности иной интерпретации опубликованных ею памятников, в то время как в древних Афинах посредством $\tau\epsilon\tau\alpha\lambda\iota\sigma\mu\omicron\varsigma$ проводился не только суд остракизма, но и выбор членов суда и совета [19, р. 95], следовательно, подобная практика могла иметь место или быть заимствована другими полисами, в том числе Мегарами и их колониями. Такая гипотеза, очевидно, не менее вероятна, чем признание названных граффити инструментами именно остракизма.

Вызывает возражение следующее обстоятельство. Приводимые памятники достаточно разнообразны, в частности, значительная их часть представлена именами, обозначенными на доньях чернолаковой посуды, которые, скорее всего, являются именами владельцев посуды, а не бюллетенями для голосования. Э. И. Соломоник, со ссылкой на крупного специалиста по остраконам А. Раубичека, отмечает, что на остраконах всегда указан патронимик [4, с. 123]. Из приведенной серии граффити только шесть безусловно отвечают этому условию. Тем не менее, в нашем случае важно не то, сколько всего из ранних граффити может быть признано остраконами, сколько сам факт наличия практики $\tau\epsilon\tau\alpha\lambda\iota\sigma\mu\omicron\varsigma$ в Херсонесе на самом раннем этапе его существования.

Вернемся, однако, к остраконам из театра и нашей находке, которые по всем признакам датируются около рубежа IV—III вв. до н. э. На наш взгляд, их применение в качестве остраконов более вероятно. Очевидно, что достоверно доказать существование остракизма в Херсонесе могла бы только счастливая находка надписи с упоминанием подобной практики. Поскольку такая находка маловероятна, остается оперировать теми данными (в основном косвенными), которыми мы располагаем.

Прежде всего, факт острой политической борьбы в эллинистическом Херсонесе не подлежит сомнению. На это однозначно указывают текст херсонесской присяги [IOSPE, 1², № 401] и фрагмент надписи о политических изгнанниках [18, с. 72-81]. Относительно датировки присяги ее издатель В. В. Латышев писал, что датировать ее следует приблизительно первой половиной III в. до н. э. или даже концом предыдущего столетия, хотя последнее несколько рискованно.

Е. И. Леви, сопоставляя события в Гераклее и Херсонесе, предположила, что присяга была принята в 281—280 гг., вскоре после уничтожения тирании в Гераклее [20, с. 90-100]. На наш взгляд, эта гипотеза весьма уязвима, поскольку существование взаимосвязи событий в Херсонесе и его метрополии в рассматриваемое время не подтверждается источниками. Академик А. И. Тюменев считал, что присяга является памятником, отразившим внешнеполитическую обстановку, сложившуюся в Херсонесе на рубеже IV—III вв. до н. э. [21, с. 45].

Э. И. Соломоник, по-видимому, согласна с теми исследователями, которые датируют присягу началом III в. до н. э. [22, с. 9]. Ю. Г. Виноградов и А. П. Щеглов считают наиболее приемлемой датой памятника рубеж IV—III вв. до н. э. [23, с. 343]. На наш взгляд, именно эта датировка присяги наиболее обоснованна. Близким, вероятно несколько более поздним, временем датируется и закон об изгнанниках [23, с. 345-346].

Текст присяги, очевидно, отражает экстраординарные события в жизни полиса (стасис), связанные с борьбой партий (демократов и их противников), междоусобной войной, отпадением части граждан (вероятно, с территорией) [23, с. 347]. Кроме того, в присяге отмечается практика объявления граждан «врагами народа». Каким образом осуществлялась эта практика?

В Херсонесе, как и в большинстве других греческих полисов, существовала традиция тайного голосования в суде при помощи камешков (ψαφου), о чем сообщает присяга и один херсонесский декрет рубежа нашей эры [18, с. 74]. Вероятно, эта процедура и была традиционной. Это, однако, не исключает возможности применения экстраординарной практики голосования черепками.

То, что рассматриваемые черепки рубежа IV—III вв. до н. э. действительно τεταλισμός, доказывают прежде всего находки в античном театре, где второй — фрагментированный черепок — нес то же имя и патронимик, что и первый черепок, где имя и патронимик (Βάθυλλος Νικάγυρα) сохранились полностью [4, с. 123]. Следовательно, мы имеем два голоса в пользу одного лица, возможно, подвергшегося остракизму. Такое голосование, по-видимому, действительно имело экстраординарный характер — иначе число подобных находок было бы большим.

В заключение отметим следующее. Возможно, уже в первые десятилетия существования греческой апойкии у Карантинной бухты τεταλισμός действительно применялись для избрания какого-то или каких-то особенно значимых магистратов. Однако это вовсе не означает, что в сложный для Херсонесского полиса момент (около рубежа IV—III вв. до н. э.) они не применялись в качестве бюллетеней на суде остракизма против врагов демократического строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туровский Е. Я. Посвящение Асклепию с херсонесской хоры на Гераклейском полуострове // Тез. докл. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». — Запорожье, 1989.
2. Туровский Е. Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове в IV–II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 1995.
3. Цветаева Г. А. Посвятительные граффити из Горгиипии IV в. до н. э. // ПАК. — М., 1986.
4. Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. — 1976. — № 3.
5. Соломоник Е. І. Кілька написів на посудинах з Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. — Київ, 1972. — Вип. IV.
6. Яйленко В. П. К публикации свода херсонесских граффити // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. — М., 1987.
7. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). — Саратов, 1994.
8. Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. — 1974. — № 1.
9. Яценко И. В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествие в древность. — М., 1983.
10. Щеглов А. Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. Вып. 1. — Симферополь, 1960.
11. Голенко К. В., Щеглов А. Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (По нумизматическим и археологическим данным) // Dacia. — 1969. — IX, № 3.
12. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — Киев, 1964.
13. Соломоник Э. И. Херсонесские глиняные грузила с надписями // Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Киев, 1994.
14. Дашевская О. Д. Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции // АО 1979 года. — М., 1980.
15. Голенцов А. С., Дашевская О. Д. Надгробие воина с херсонесской хоры // ВДИ. — 1981. — № 2.
16. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. — Киев, 1977.
17. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. — М.; Л., 1953.
18. Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. — 1984. — № 3.
19. Vinogradov J., Zolotarev M. La Chersonese de la fin de l'archaisme // Le Pont-Euxin vu par les grecs. — Paris, 1990.
20. Леви Е. И. К вопросу о датировке херсонесской присяги // СА. — 1947. — IX.
21. Тюменев А. И. Херсонесские этюды. IV. // ВДИ. — 1955. — № 3.
22. Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. — Симферополь, 1990.
23. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. — М., 1990.

Summary

The first of the number of graffiti being presented here is scratched on the bottom of the II cent. B. C. black glaze serving-bowl. That's a dedication to Asklepios. The second one is fulfilled on a clay loom-weight, it includes word «Phaso» (a woman's name).

The last graffiti from this batch was possibly ostraka. It is scratched an amphora's sherd; the inscription contains the name and the father name of that person who was put down with the ostrakismos, namely: Kalliad son Syriskos.